КРОКОДИЛ

ПОСЛЕ СОКРАЩЕНИЯ ШТАТОВ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

А. ХОДАНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Часть первая

КУЛАК

1. НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО

Звонкий морозный вечер рассыпался снежной крупкой по широким ленинградским проспектам, запорашивая брови прохожих. По Невскому традиционно спешили румяные молодые люди, и празднично золотилась в чернильной синеве самая большая игла — Адмиралтейская.

Порывистый ветер тревожно завывал в добротных ящиках «Для утерянных документов», висящих вдоль улиц, а ничего не подозревающий Юрий Семенович Плаксин, моложавый и слегка похожий на киноартиста Куравлева мужчина, деловито входил в продовольственный магазин номер пять.

В кабинетике, где обычно сидела заведующая Филиппова, он увидел могучего незнакомца в зимнем пальто. Будучи человеком воспитанным, Юрий Семенович приподнял шляпу и, сняв трубку, стал набирать номер.

2. СОБЫТИЯ НАЧИНАЮТ РАЗВИВАТЬСЯ

Неожиданно твердая, как рельса, ладонь ударила по аппарату, прервав разговор, и в лицо Юрию Семеновичу полетели настоенные на водочном перегаре разные крепкие слова.

Решив не связываться, он вышел из кабинетика и в узеньком коридорчике увидел высокого и тоже атлетически сложенного мужчину в вечернем костюме, при галстуке и бутылке портвейна. За ним, неся клетку с яйцами, спешила Филиппова.

Незнакомец в зимнем пальто вышел следом за Юрием Семеновичем, схватил его за грудки, приподнял, как штангу, и прижал к стене.

— Наталья Михайловна,— обратился Юрий Семенович с высоты своего неловкого положения.—Что же это такое, почему...

Конец фразы растворился в кулаке первого незнакомца. Ударив Юрия Семеновича в челюсть, он сбросил его со стены и пнул ногой, обутой в ботинок из гранита. Второй незнакомец свободной от портвейна рукой жахнул молодого человека по голове, попутно объяснив:

— Чтоб вперед не болтался по чужим кабинетам...

— Ребята! — взвизгнула Филиппова.— Не трогайте его, это же товарищ Плаксин из Петроградского торга! Наш бухгалтер-инвентаризатор! А вы, Юрий Семенович, не принимайте все близко к сердцу!

Юрий Семенович, спотыкаясь и опираясь на стенку, поспешил освободить всех от неловкой ситуации. Однако первый незнакомец, встав у входа в магазин, припер дверь ногой.

3. ЕГО ЗНАЛИ ТОЛЬКО В ЛИЦО

— Кто это?! — спросил потрясенный бухгалтер у продавцов.

— В личность мы их знаем,— приглушив голос, отвечали продавцы,— часто заходят, а кто такие,— не ведаем.

4. ЛОВУШКА

Когда Плаксин вырвался было из магазина, незнакомец снова ударил его по лицу. Пришлось бухгалтеру вернуться, но, оказавшись в коридорчике перед конторкой, он наткнулся на чугунную грудь незнакомца в вечернем костюме. Метнулся назад, а там тот, который в зимнем пальто. Снова навалился и кулачищем-арбузом в грудь — бух! Еще — трах! Увернулся бухгалтер, побежал.

5. ПОГОНЯ

На улице незнакомец вновь настиг его и снова — кулаком по голове! Катится по снегу зеленая бухгалтерская шляпа и подкатывается прямо к троллейбусной остановке одновременно с троллейбусом № 1.

Кинулся Плаксин в дверцы. Незнакомец — за ним...

— Товарищ водитель! — кричит Плаксин. — Остановите троллейбус у дежурного постового!..

Водитель Бобров прибавил ходу и, затормозив на Дворцовом мосту, отчаянными гудками подозвал двух милиционеров.

6. ЕГО ЗНАЛИ НЕ ТОЛЬКО В ЛИЦО

И они вчетвером пошли к милицейской будочке у моста. А в будочке сидели два других блюстителя порядка. Увидев незнакомца в зимнем пальто, они резво вскочили, и ладони их прилипли к козырькам.

Незнакомец уселся за столик и приказал:

— Сейчас же разберитесь с этим типом!

— Сейчас же сообщите свои анкетные данные,— потребовал у Плаксина один из милиционеров и, записав их на листочке, стал тщательно сверять по телефону.

— П-прошу вас с-составить акт...— заикаясь от изумления, произнес Плаксин.

— Какой еще там акт? — удивился, в свою очередь, милиционер.

— Товарищи, — совсем растерялся Плаксин, — прошу сказать мне, кто этот гражданин?

— Ха-ха-ха! — загоготал незнакомец, совсем почти как Фантомас, и смех его отдался на лицах постовых уважительными улыбками.

Часть вторая

ЗАКОН

1. ДОПУЩЕНА БЕСТАКТНОСТЬ

Утром Плаксин зашел к Филипповой и задал все тот же вопрос:

— Что это у вас за люди были?

— А кто ж их знает! — сказала Филиппова. — Только вы не принимайте близко к сердцу...

Но Плаксин принял и обратился в разные районные инстанции, и везде обещали ему принять меры, и он ждал. И шли дни. Сначала долгие и морозные, затем короткие и уже теплые.

Потом он обратился в Управление внутренних дел города, и погожим весенним днем тов. Григорьев из Управления уголовного розыска сообщил Плаксину, что «в процессе проверки эти факты объективного подтверждения не получили» и что со стороны товарища, о котором он, Плаксин, сообщил, была просто «допущена бестактность».

Бухгалтер Плаксин потрогал нижнюю челюсть и, вскрикнув от обиды, написал заявление прокурору Ленинграда тов. Соловьеву С. Е. и вскоре получил письмо за подписью зам. начальника следственного отдела тов. Любавиной Т. К., в котором уведомлялось, что его заявление направлено снова в УВД.

И еще вскоре Плаксина вызвали в УВД, но уже другие люди и долго с ним беседовали, а дней через двадцать письменно сообщили, что в действиях гражданина, о котором он написал (а второго установить не смогли), состава преступления не найдено, и материалы о его «неправильном поведении... направлены на рассмотрение парторганизации, в которой он состоит на учете».

А уж совсем жарким майским днем в поликлинику № 27 явился второй, неустановленный незнакомец. Нервно озираясь, он прошел куда надо и получил справку о состоянии здоровья Плаксина. Внимательно прочитав ее, спросил:

— Значит, не сумасшедший? Ах, как жаль... Мы б тогда его мигом...

Куда «мигом», он не сказал, а, горестно вздохнув, исчез.

2. ОСНОВАНИЙ НЕ ИМЕЕТСЯ

А Плаксин поехал в горком партии и, возвратившись, стал ждать. И ждал месяц, а потом ездил снова и снова ждал. А устав ждать, написал жалобу в Министерство внутренних дел СССР и получил ответ за подписью начальника отдела тов. В. Богданова, в котором вновь сообщалось, что товарищ, о котором он написал, уже «привлечен к строгой партийной ответственности».

Опять потрогал Плаксин свою нижнюю челюсть и, вскрикнув от удивления, написал Генеральному прокурору, и меры были немедленно приняты. А в Ленинграде уже хозяйничало скромное северное лето, и вокруг Медного всадника носились ребятишки, которым не было никакого дела до бухгалтера и его жалоб.

3. ДАЛЬНЕЙШИМ ПРОИЗВОДСТВОМ ПРЕКРАТИТЬ

Ответ был ободряющим, и все встало на свои места: «...прокуратурой Ленинграда возбуждено уголовное дело и проводится расследование». И снова Плаксин рассказал все, как было, и снова ждал. А вокруг Медного всадника детвора уже не бегала. Ей было некогда, ибо уже давно пришел учебный год. Над городом повисли белесые, скучные облака, и затяжные, нудные дожди обволокли купол прославленного Исаакия.

Зато расследование велось с блеском и, как говаривал некогда Шерлок Холмс, виновность подозреваемых была доказана материалами дела. Что ж до всех предыдущих проверок, то они официально были признаны неправильными и «необъективными».

Но когда прошли дожди и купол бессмертного творения Монферрана засиял вновь, дело потускнело и приказало долго жить, ибо прокуратура не обнаружила в действиях хулиганов хулиганства.

А в конце января сего года на имя Плаксина пришел очередной ответ, и в нем говорилось, что первый товарищ, о котором он писал, понижен в должности и ему объявлен выговор по партийной линии. А второго судил товарищеский суд, который тоже объявил ему выговор, но уже по своей линии.

ЭПИЛОГ

Постаревший на год звонкий морозный вечер рассыпается снежной крупкой по широким ленинградским проспектам, запорашивая брови прохожих. Порывистый ветер тревожно завывает в добротных ящиках «Для утерянных документов», висящих вдоль улиц, а изрядно похудевший и натрудивший правую руку Плаксин показывает нам специальный отдел своих жалоб, который уже потеснил домашнюю библиотеку. Отдел состоит из пухлой груды писем, испещренных автографами разных ответственных работников.

Он все еще борется, ибо надеется. А надежды, как точно сказал его великий пращур, обитавший некогда в здании нынешнего музея антропологии и этнографии, юношей питают...

КРАТКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К ЭПИЛОГУ

Мы поинтересовались, как наказаны таинственные «товарищи», учинившие в отношении Плаксина дерзкое хулиганство. И выяснили, что один из них, упоминающийся в фельетоне как незнакомец в зимнем пальто и оказавшийся начальником уголовного розыска Петроградского района Ленинграда П. Жгуном, действительно понижен в должности. Теперь он так, мелкая сошка: заместитель начальника 16-го отделения милиции Василеостровского района по оперативной части. Второй — старший инспектор Петроградского РОВД П. Бирюков — тоже продолжает успешно трудиться на посту «стража» социалистического правопорядка.

Мы также поинтересовались: что делали эти «борцы» с преступностью тогда, в магазине № 5. И выяснили, что они систематически наведывались к заведующей Филипповой во время рабочего дня и после, чтобы обильно употреблять спиртные напитки во всех их степенях крепости.

Стоит ли удивляться, что им и теперь море по колено?

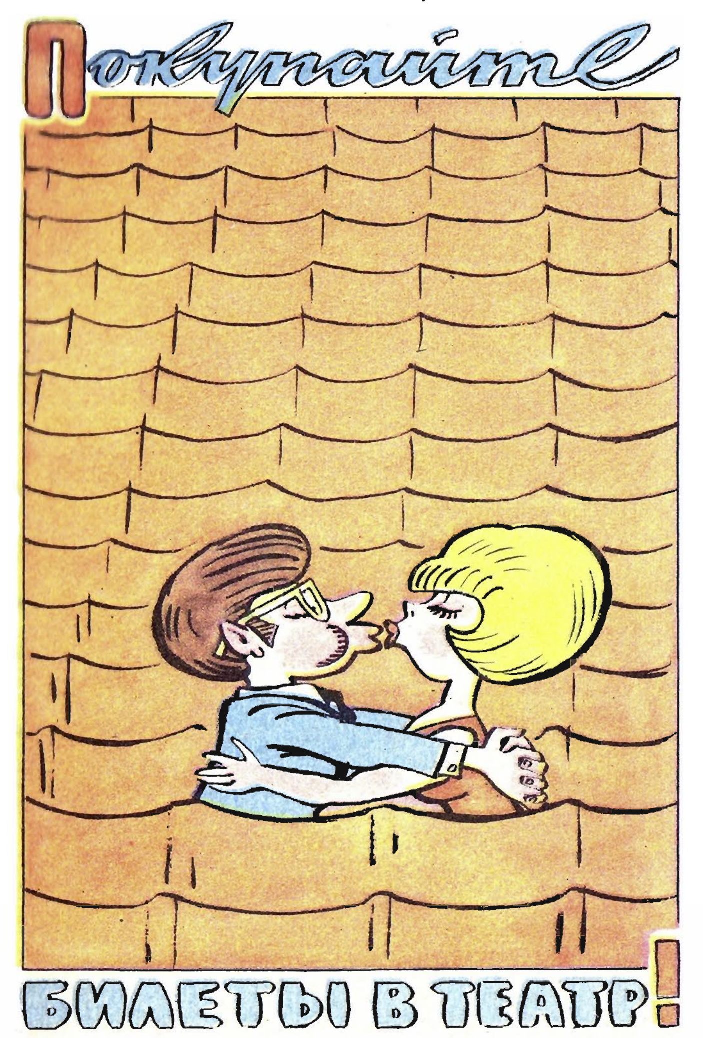
г. Ленинград

моя реклама

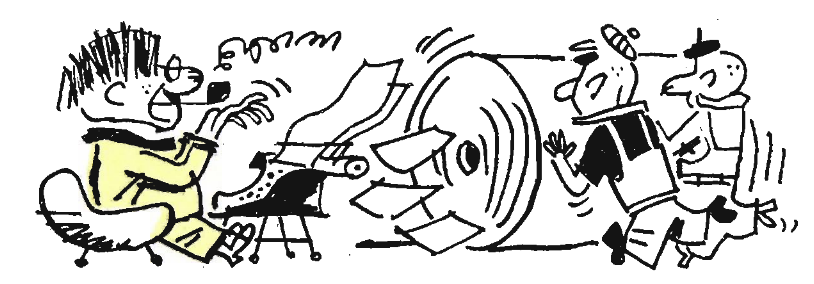

Рисунок А. ГРУНИНА

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Валентин КАТАЕВ

ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА

Писатель Игнатий Пуделякин поставил точку и, не теряя золотого времени, позвонил в издательство.

Через пять минут курьерша уже мчалась вскачь на директорской «Волге» и вскоре привезла в издательство творение романиста. Директор прочитал заглавие «Овсы цветут», взвесил манускрипт на ладони и, убедившись, что он тянет не менее шести килограммов, кисло улыбнулся, однако спохватился и тотчас изобразил на лице величайшее почтение: автор принадлежал к числу тех, кому палец в рот не клади.

— Немедленно в производство,— сказал директор, вручая «Овсы цветут» секретарше.

И машина закрутилась.

Рецензенты, которые так же, как директор, хорошо знали, что Пуделякину палец в рот не клади, в экстренном порядке строчили хвалебные отзывы. Редакторы, не жалея сил, правили рукопись: сглаживали шероховатости и ухабы пуделякинского стиля, а также исправляли орфографические ошибки и уточняли знаки препинания, подготовляя пуделякинский шедевр к наибыстрейшему появлению в свет. Линотиписты набирали текст, корректоры потели над гранками, метранпаж верстал страницы. Калькулятор калькулировал, бухгалтерия выписывала. Со складов в типографию волокли многотонные тюки бумаги — тираж романа был астрономический, так как все знали, что автору палец в рот не клади. Машины печатали, брошюровали, переплетали, укладывали в пачки; грузовики, поезда, самолеты и прочие виды современного транспорта развозили по городам и весям нашей необъятной страны шедевр Пуделякина «Овсы цветут». Полки в книжных магазинах ломились от упомянутого романа, взмыленные критики сочиняли восторженные рецензии, ибо так же, как и все другие, хорошо усвоили, что Пуделякину палец в рот не клади. И так далее и так далее.

Одни только посетители книжных магазинов, по-видимому, не боялись за целость своих пальцев и равнодушно проходили мимо великого творения Пуделякина, не выражая ни малейшего желания приобрести классическое произведение.

Прошел год, и выяснилось, что многосоттысячный тираж «Овсов» не распродан. Что тут делать! Пришлось принимать меры. И вот машина снова завертелась.

Все виды транспорта со всех концов нашей необъятной страны повезли нераспакованные тюки популярного произведения на бумажную фабрику. Здесь быстро и ловко пустили его под нож, превратили в бумажную массу, а затем при помощи волшебной химии сделали из этой массы довольно большое количество хорошей, чистой, белой печатной бумаги, которую тут же и доставили по разнарядке в типографию издательства.

А как раз к этому времени писатель Игнатий Пуделякин поставил точку и, не теряя золотого времени, позвонил в издательство:

— Можете меня поздравить. Закончил.

Директор побледнел.

— Что закончили!

— Известно что. Новый роман. Называется «Дубы шумят». Как у вас насчет бумаги!

— Бумага есть,— пролепетал издатель, твердо усвоивший, что Пуделякину палец в рот не клади.— Только что привезли большую партию.

— Это хорошо, что большую партию,— сказал Пуделякин строго.— Так присылайте за рукописью.

— Слушаюсь...

Через три минуты курьерша уже мчалась на директорской «Волге» и вскоре привезла в издательство солидную рукопись романа «Дубы шумят» — пуда на полтора весом.

Директор вытер слезы и сказал секретарше, вручая ей роман маститого автора:

— Немедленно в производство.

И машина закрути...

Труднее всего не вернуться в наезженную колею.

Скоротал жизнь.

В. БРЮГГЕН

Едят глазами и того, кого не могут переваривать.

Он мог бы успешно пройти испытания на порочность.

Б. БАРТАШЕВИЧ

С легкой руки соперника боксер оказался в нокауте.

Под влиянием критики директор пошел на замопожертвование.

О. СЕИН

Кошачья сплетня: гора родила мышь.

Несправедливость. память болтуна почтили молчанием.

Мартын КОВСКИЙ

Оригинальной может быть и манера подражания.

От кричащей моды до вопиющей — один шаг.

И прозрачные намеки могут бросать тень.

Т. КОНСТАНТИНОВ

У каждого человека имеются швы, по которым он держит руки.

Глухарь глухарю: «Давай потокуем о жизни».

Человек родится графоманом. Если это проходит, он становится писателем.

Ю. ХАЗАНОВ

— Теперь мы с тобой, Машенька, горы своротим!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вадим ПОЛУЯН

ЖЕНИХ С ПРИДАНЫМ

Пир на свадьбе был на Вариной...
Три баяна с переборами...
Что нажарено, наварено,
за три дня не перепробовали.
Не искала милых глаз она,
ста парням было отказано:
тот ходил, как Аполлон хорош,
да в кармане не водился грош;
тот умом поспорит с Цезарем,
а работает-то слесарем;
третий — к ней, как Поль к Виржинии,
жаль, прописан в общежитии...
Все ушли, хлебнув не солоно.
Вот теперь не муж, а золото!
Площадь новая, двухкомнатная,
мебель свежераспакованная.
И с зарплатою не плакаться:
есть на шубку и на лакомства.
А помянят липы с соснами —
в «Запорожец» сядут собственный,
съездят к мужниным родителям
(путь трамваем отвратителен!).
Все там есть: цветы и ягодки,
доморощенные яблоки...
Но медовый месяц кончился.
В новый дом идти не хочется.

Из-за чашечки расколотой
муж взрывается, как атомный,
и по площади двухкомнатной
площадная брань — раскатами!
На чулки рубля не вымолишь,
постирай, посуду вымой лишь.
С «Запорожцем» мýка сущая —
ни к реке на нем, ни в рощицу:
ездят только голосующие
за пятерку да за трешницу.
А родители-то — выжиги:
не сорви, не съешь ни вишенки,
лишь ухаживай за ягодами,
не потрафишь — к мужу ябедами!
Отцвели бокалы пенисто,
Наступили будни адовые.

Смотрит муж игру на первенство,
а жена вещички складывает...

Вид теперь у Вари бледненький,
глазки, словно льдинки в леднике,
зá руку берешь ты Варюшку,
будто взял пустую варежку.
Женихов былая армия,
где ты! Что случилось с парнями!
Аполлон — геолог в Арктике.
Цезарь что-то строит в Африке.
Поль нашел свою Виржинию
и заботой окружил ее...
Как подумаю о Варе я,
в счастье ей теперь не верится.
Не случайная авария,
где любовь на деньги меряется!

А. НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

НЕРАЗРЕШИМЫЙ ВОПРОС

Вот что я скажу, уважаемые товарищи. После долгих размышлений я все-таки пришел к выводу, что быть начальником — очень сложная штука. Я бы, может быть, даже и не сумел. Впрочем, насколько помнится, меня об этом и не просили.

А сложность в том, что начальнику приходится решать разные вопросы. Иной раз кажется, что вопрос простой. Ну просто плевый вопросик. А как получше глянешь — он оказывается невероятно сложным. И, главное, как его ни решай, он норовит против тебя же и обернуться. Серьезно.

Вот я вам расскажу один случай. Нынче у нас что, март? А это было как раз в декабре, в городе Актюбинске.

В этом Актюбинске есть лесхоз. Лесов там нету, а лесхоз есть. Там выращивают леса. Короче говоря, исправляют глупости, допущенные природой.

А в этом лесхозе, значит, есть тракторист Николай Николаевич Николаев. Как говорится, нарочно не придумаешь такое великолепное сочетание. А директором у него Николай Иванович. Тоже недалеко ушел. Но фамилия у него Денисенко. У этого директора.

И вот, значит, так: нынче у нас март? А в декабре у этого тракториста как раз день рождения. А день рождения — это ведь праздник! Его жена Галина Алексеевна студню наварила и на улицу застывать вынесла. И так по-хозяйски все это сделала, что даже местные собаки событие это прозевали и съесть студень не успели.

А почему я про собак упомянул? Мне, знаете, жена тоже один раз на день рождения студню наварила. А студень ведь застывать должен. Где? Ясное дело, на улице. Так вот: подчистую сожрали, окаянные. Растяпа она у меня. Не укараулила. Двадцать лет прошло, а все сердце кровью обливается. Простить не могу.

А тут, значит, все в полном ажуре. Студень в целости. А сам Николай Николаевич Николаев тем временем пошел созывать друзей. На свой день рождения.

Пригласил, значит, друзей-приятелей вместе с ихними женами. Пригласил, а потом вдруг засомневался. Не сразу засомневался, а потом. Все мы, как говорится, крепки задним умом.

А засомневался он вот почему. Думает, ладно: день рождения и все такое. А как к этому отнесется мой директор Николай Иванович Денисенко? Утвердит ли он это мероприятие?

Странные мысли, верно?

Но это для нас с вами они странные, а Николай Николаевич Николаев уже раз обжегся на таком самовольстве. Или, говоря более научно, в его жизни имелся прецедент.

Он, значит, жил в лесхозовской квартире один. С первой женой разошелся. Тоже, наверное, у нее студень собаки лакали. А летом прошлого года он привел в дом новую жену, вот эту самую Галину Алексеевну. Живут они хорошо, дружно, однако пока не расписаны.

А почему не расписаны, мне, например, тоже ясно. Он был женат, она тоже была замужем, а, как говорят, обжегшись на молоке... Есть какая-то такая пословица, не помню точно. Одним словом, спешка тут ни к чему.

И вот директор лесхоза товарищ Денисенко при удобном случае сказал трактористу следующие роковые слова:

— Что ж,— говорит,— ты женился, а у меня и не подумал спросить разрешения?

На месткоме он произнес эти ужасные слова.

А от этих ужасных слов Николай Николаевич Николаев сильно загрустил. Как же это, думает, я действительно женился без разрешения директора? Возможно, ребенок появится, а директорского разрешения на него не будет? Что тогда?

И, будучи человеком дисциплинированным, решил в данном конкретном случае не допускать самоуправства. И, придя домой, написал заявление, текст которого для пущей ясности мы приводим целиком:

«Прошу Вас разрешить мне отметить 20 декабря вечером свой день рождения в квартире, занимаемой мной в настоящее время. Будут приглашены гости, и, как в таких случаях водится, будет выпивка, и я не гарантирую, что гости будут сидеть за столом смирно и в рот воды набравши, а будут петь, танцевать, плясать-веселиться.

Прошу Вас мою просьбу удовлетворить».

Подписался и отправился к директору за резолюцией.

А Николай Иванович — мужик хороший. Как всякий начальник, он, конечно, любит, чтобы его уважали. Но он не зловредный. Другой бы начальник в отместку, что Николаев женился без его разрешения, не позволил бы справлять и день рождения. А этот нет. Взял ручку и наложил резолюцию: «разрешаю». Ей-богу, так и начертал:

Р-А-З-Р-Е-Ш-А-Ю.

На том самом заявлении.

И подпись.

Вот, дескать, какой я. Пользуйся моей добротой.

Ну и, естественно, как вы понимаете, этот факт становится достоянием «Крокодила». И я, ваш покорнейший слуга, задаю Николаю Ивановичу не слишком корректные вопросы, наподобие того, о чем, дескать, он думал, когда накладывал резолюцию на этот документ?

И мы сидим vis-a-vis и любуемся друг другом. Все очень мило, в общем.

— Так что ж,— говорит Николай Иванович,— значит, я неправильно сделал, что дал разрешение?

— Да уж, конечно,— отвечаю,— неправильно. Полюбуйтесь, в какое глупое положение вы себя поставили. Срамота!

— А если бы не разрешил, то это было бы правильно?

— И это неправильно. Потому что был бы какой-то средневековый деспотизм.

— Так что же тогда правильно?

Трам-тарарам, вот это вопросец!

Действительно, вижу, прямо-таки безвыходное положение. И так нехорошо, и этак плохо. А как, чтобы хорошо? Стали мы с Николаем Ивановичем думать. Думали-думали, так ничего и не придумали. Видим одно: загнал нас Николай Николаевич Николаев своим заявлением в темный угол. И выйти из него невозможно.

Видите: есть такие вопросы, которые никто не в силах разрешить.

И вот вы мне после этого говорите: начальник. Да меня озолоти — никогда я не пойду на эту должность. Потому что начальнику приходится решать такие вопросы, которые человеческий мозг на современном этапе своего развития понимать еще не в состоянии.

г. Актюбинск

— Зайдите в мае!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Алексей ГОЛУБ, Борис ДАНЕЛИЯ

ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ

ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ ПЕРСТЕНЬ МАТИЛЬДЫ

Документальный репортаж

Два ягуара в одном капкане

Однажды в полночь в одной из московских квартир зазвонил телефон.

— Ягуар-101? — послышался в трубке мужской голос.— Говорит Ягуар-102. Напоминаю: комета стартует ровно в девять. Кобра все приготовила... Амазонка може: отправляться налегке...

— Вас понял,— ответил Ягуар-101.— Старт ровно в девять!

Об этом ночном разговоре мы могли бы ничего не знать, если б не одно обстоятельство. Дело в том, что под кличкой Ягуар-101 фигурировал один из нас, а под кличкой Ягуар-102 — другой.

К зэоповскому языку и кличкам мы стали прибегать с тех пор, как одна из иностранных разведок занесла нас в свою картотеку. Какая именно это была разведка — английская «Интеллидженс сервис», западногерманская служба безопасности или американское ЦРУ,— мы еще не знали. Но поскольку сам факт не вызывал никаких сомнений, мы поспешили законспирироваться.

В эту приключенческую одиссею нас втравил юный практикант нашего журнала Женя Липатов. Женя был страстным собирателем марок. Он обладал редчайшими изданиями департамента связи экзотической Гваделупы и полным набором почтовых миниатюр суверенной Ботсваны. Он знал назубок родословную самого председателя международной ассоциации Люсьена Бертело и состоял в личной переписке с французским филателистом господином Левиным.

Письма от господина Левина приходили каждую неделю. Иногда парижанин в знак внимания вкладывал в конверт небольшой презент — две-три пластинки жевательной резинки.

— Полезная штука! — бравировал своими международными контактами Женя, отправляя в рот жевательную резинку.— Ароматизирует полость рта... Развивает мышцы лица, избавляет от преждевременных морщин!

Сотрудничество двух коллекционеров было плодотворным и, возможно, со временем могло обогатить мировую филателию. Но вот однажды Женя обнаружил в своем почтовом ящике письмо не из Парижа, а из Франкфурта-на-Майне. Адрес на конверте был написан незнакомым почерком.

Письмо гласило:

Alexsandr Lippert
West-Deutschland
Frankfurt a/m.-1
Postlagerkarte 2c/

Уважаемый Коллега!

Ваш адрес я получил от Левина из Франции. Он получил много предложений по обмену марками и поэтому предложил мне Ваш адрес.

Я же не филателист (чем,вероятно, огорчу Вас), но могу посылать Вам некоторые новинки выходящие в нашей стране.

Лично я интересуюсь современной русской художественной литературой и поэзией.

Если Вы интересуетесь, так же , чем либо кроме марок то я охотно помогу Вам.

Вероятно у нас найдутся общие интересы по которым мы будем вести переписку. Вести переписку на русском языке мне представляет удовольствие т.к. знание этого языка я получил от матери и интересуюсь жизнью России.

Надеюсь на Ваш скорый ответ.

С приветом и уважением к Вам A. Lippert

Обладателя полного набора почтовых миниатюр суверенной Ботсваны охватило глубокое возмущение: в переписку представителей двух стран бесцеремонно вмешалась третья держава.

— Коллега! Какой я ему коллега?! — вскипел практикант.— Сам же говорит, что к филателии не имеет никакого отношения! Не хочу знать никаких Липпертов, и пошли они все к дьяволу!

— Не надо горячиться,— сказали мы.— Ты посмотрел на этот факт с одной стороны, а теперь посмотри с другой. Человек протягивает руку и ждет ответного рукопожатия. А ты?

— А я пошел сдавать экзамены! — отрезал практикант.— Его хобби — литература, а мое — марки! А если уж вы так хотите обучать этого Липперта русской литературе, то пишите ему сами!

Тоскливый зов любителя русской словесности, доносившийся с берегов Майна, затронул наши чувствительные души Человеку, в котором заговорил голос крови, хотелось помочь. Но при этом мы рисковали оказаться в таком же положении, как и сам господин Липперт, вторгшийся в чужую переписку.

Эти сомнения легко разрешил все тот же Женя.

— А вы пишите ему от моего имени,— сказал он.— Считайте себя моими секретарями. Вот вам мое факсимиле!

Охваченные благородным порывом, мы принялись сочинять первое письмо в западногерманский город Франкфурт-на-Майне.

Средство от бессонницы

Господин Липперт отрекомендовался коммивояжером одной западногерманской торговой фирмы. Ему было сорок шесть лет, он состоял в браке и был любящим отцом двухлетней белокурой девчушки.

Коммивояжер держался бесхитростно, с подкупающей простотой.

«Дорогой Евгений! — писал он.— Разрешите, я буду обращаться к вам по имени. И вы меня можете называть просто Алекс...»

— Рубаха парень! — умилился один из нас.

— Поистине русская душа у этого франкфуртца! — воскликнул другой.

Письма из Франкфурта поступали непрерывным потоком. Коммивояжер вязал дружественные контакты крепким морским узлом. Переписка начала выливаться примерно в такой диалог.

— Давайте откровенно меняться мыслями,— предложил господин Липперт.— Стихи Исаковского прочитал. Понравились. Что же касается «Анны Карениной», то, откровенно говоря, она не стоит затраченных на нее средств.

— Позвольте! — горячо запротестовали мы. — Но ведь это же Толстой!

— Возможно! — охотно согласился Липперт.— Но человек — существо мыслящее! И это очень плохо, когда он старается думать так, как это желательно официальной критике, а не так, как ему подсказывает совесть. По-моему, ради одного самоубийства не стоило писать такую толстую книгу! И вообще присылайте мне только то, что я прошу, а не все то, что лежит на прилавках книжных магазинов!

С коммивояжером можно было поспорить. Но мы не стали этого делать, дабы господин Липперт не подумал, что мы заставляем его думать так, как это угодно официальной критике. Возможно, у господина Липперта была своя собственная программа знакомства с нашей страной. Так и оказалось.

«Я не прочь был бы почитать ваши газеты»,— писал коммивояжер.

Но и в этом случае господин Липперт не желал идти по проторенной дорожке. Свое знакомство с нашей страной он предпочитал начать не с солидных столичных изданий, а с малоформатных районных газет. «Тем более,— обосновывал он свою просьбу,— что у меня есть знакомый немец из России и ему очень интересно узнать, что происходит в знакомых местах».

Вслед за этим господин Липперт уточнял: газета может быть не только из указанного района, но и из любого другого. И даже из нескольких сразу. Чем больше — тем лучше.

Представляете? Солидный немецкий бюргер усаживает в кружок своих домочадцев и, украсив переносицу роговыми очками, устраивает громкую читку. Все сидят затаив дыхание. Сообщение о трудовых успехах животноводов какого-нибудь рязанского села или лесорубов далекого леспромхоза Удмуртской АССР приводит всех в умиление. Растроганная бюргерша смахивает набежавшую на глаза слезу. Старший сын, двенадцатилетний Вилли, торжественно объявляет родителям, что все решено: он будет трактористом!

Впрочем, господин Липперт отнюдь не отвергал и более солидные издания. К письму был приложен список книг, которые он хотел бы иметь в своей домашней библиотеке. Преимущественно это были трактаты по экономическому районированию СССР, линейному программированию и электронике.

Заодно он просил прислать телефонные справочники как городского, так и внутриведомственного пользования.

— Телефонные справочники — это от бессонницы! — сразу же догадался один из нас.— Впечатлительным людям рекомендуется перед сном просматривать еще и прейскуранты и даже бухгалтерские отчеты...

Господин Липперт эту догадку подтвердил. По его словам, напряженный ритм двадцатого века и нервные перегрузки отрицательно действуют на его нервную систему. Поэтому прежде чем заснуть, он долго ворочается с боку на бок.

Послать во Франкфурт какой-нибудь телефонный справочник было нетрудно. Но наш адресат упоминал о справочниках не в единственном числе, а во множественном. Мы прикинули на глазок, как бы выглядела такая посылка.

Справочники министерств, главков и ведомств! Предприятий бытового обслуживания и таксомоторных парков! Справочник Генерального штаба, штаба ракетных войск и командования авиации стратегического назначения!

Получалась не посылка, а целый контейнер. Контейнер снотворного!

Сама собой возникла проблема равноценного заменителя. Неожиданно просветлев, один из нас хватил себя по лбу:

— Таблетки! Послать ему таблетки обыкновенного снотворного! Скажем, пипольфен!

Поскольку эта рекомендация не вызвала никаких возражений, мы тут же снарядили курьера Таню в аптеку.

Но вопреки ожиданиям апробированный пипольфен подействовал на господина Липперта возбуждающе.

— В последующем мне придется, вероятно, давать вам более безобидные и идеологически выдержанные поручения, — принялся отчитывать нас господин Липперт в ответ на наш дружеский жест с пипольфеном. — Давайте надеяться, что своим упорством и стремлением к лучшим взаимоотношениям и пониманию мы пересилим препятствия и косность...

Было очевидно, что бешеный ритм и нервные перегрузки века пагубно отражались на психике господина Липперта. Свое сумбурное послание он ни с того ни с сего заканчивал просьбой срочно сообщить ему техническую характеристику нашего радиоприемника.

Просьба была хотя и странная, но вполне выполнимая.

Вскоре из Франкфурта-на-Майне пришло еще одно письмо. Оно состояло из одного-единственного листка — графика передач зарубежных радиостанций, ведущих вещание на русском языке.

В установленный час мы настроили наш радиоприемник на заданную волну.

— Слушайте голос свободного радио! — донесся из динамика чужой далекий голос. — Сегодня в выпуске... Визит государственного секретаря Соединенных Штатов в страны Ближнего Востока... Сахарный бунт в Воронеже... Несколько интимных деталей из жизни Брижитт Бардо...

Отбарабанив скороговоркой «последние известия», диктор представил радиослушателям политического обозревателя Романа Редлиха.

— ...Человек — шущештво мыслящее,— зашамкал обозреватель,— и это очень штрашно, когда его штараютшя жаштавить думать так, как это желательно офичиальной критике. Об этом лишний раж швидетельштвует ражыгравшаяшя на днях трагедия в Воронеже. Когда гружовик ш шахаром подъехал к чентральному гаштроному, тышячная толпа...

Мы разинули рты. Шамкающий радиообозреватель преподносил слушателям те же глубокомысленные афоризмы, которые излагал в своих письмах франкфуртский коммивояжер, впрочем, сдабривая их еще и несусветными небылицами.

Так кто же он? Алекс Липперт или Роман Редлих? А может быть, просто у Алекса Липперта не одна фамилия? И не одно лицо?

Вот тебе и рубаха парень!

Чаепитие с продолжением

Мы принялись ломать голову над тем, кому же все-таки служит Алекс Липперт. Но оказалось, что мы ломимся в открытые двери. Сам коммивояжер уже не делал из этого никакой тайны. В этом нас убедили последовавшие вскоре события.

В один из ближайших дней почта доставила загадочное письмо от какого-то неизвестного Андрея Липинского.

«Здравствуй, дорогой Евгений! — писал незнакомец.— Как ты поживаешь? Я так давно не имею от тебя писем, что и не могу вспомнить дату получения твоего последнего письма. Но не в этом самое главное. Главное заключается в том, чтобы ты был здоров... Дочка подрастает, и ей приходится уделять много времени, как на прогулки с нею, так и на занятия. Постепенно надо подготавливать к поступлению в школу. Начинаю учить ее английскому языку. Она уже понимает такую фразу: The letter heat with an iron!» Ты ведь тоже изучаешь английский язык, так что поймешь и оценишь ее успехи в изучении иностранного языка.

В отношении музыкальных пластинок пока ничего нового. Я все-таки надеюсь, что ты не оставил своего желания и цели стать «рыцарем пера». Крепко жму руку. Твой Андрей».

и с...
подрастает и ей приходится уделять много времени, как на прогулки с нею, так и на занятия. Постепенно надо подготавливать к поступлению в школу. Начинаю учить ее английскому языку. Она уже понимает такую фразу The letter heat with an iron ты ведь тоже изучаешь английский язык, так

Фотокопия письма Андрея Липинского с загадочной английской фразой.

— Бред! — сказал один из нас.

— Чушь! — возразил другой.

Повертев письмо и так и эдак, мы уставились друг на друга и стали на все лады повторять загадочную английскую фразу:

— The letter heat with an iron!

Потом мы решили освежить мозги стаканом крепкого чая. Наполнив стаканы кипятком, один из нас впопыхах поставил горячий чайник прямо на загадочное письмо. И вдруг под воздействием горячего чайника на письме между строк, написанных фиолетовыми чернилами, стали проступать какие-то грязно-желтые буквы.

Письмо имело второй, скрытый текст, исполненный симпатическими чернилами. Внизу появилась отчетливая подпись: «Ваш друг Алекс Липперт».

— Heat the letter with an iron! — осененный догадкой, прошептал один из нас.

— Утюг! — завопил другой. — Это значит: «Прогладь письмо горячим утюгом!»

В нашей редакции было все: телетайпы, магнитофоны и пишущие машинки. Был телевизор, вентиляторы и электрический рефлектор. Не было только утюга.

— Утюг? Какой еще утюг? — удивилась завредакцией.

— Обыкновенный электрический!

— Ну, знаете ли, это уж слишком! — строго сказала она.

Выручила нас старший курьер Мария Кирилловна.

— А ну, Таня,— повелительно сказала старший курьер младшему,— сбегай-ка ко мне домой за утюжком! Он у меня хоть и старенький, но греется хорошо!

Вооружившись утюгом Марии Кирилловны, мы разложили письмо на подоконнике и принялись гладить. От бумаги пошел ядовитый дымок.

— Э-э, ребята! — всполошилась Мария Кирилловна. — Вы так чего доброго подоконник мне испортите! А ну дайте-ка сюда утюжок!

Старший курьер сбрызнула письмо водой и поплевала на утюг. Затем она уверенно провела им несколько раз по письму, и сокровенные мысли господина Липперта полезли наружу, словно веснушки при первых лучах весеннего солнца.

Вот что хотел сообщить по секрету Алекс:

«Дорогой Евгений!

Это письмо пишет твой друг по переписке Александр.

Я прибегаю к такому способу в нашей переписке для того, чтобы наиболее безопасным путем откровенно поделиться с тобой своими мыслями, ответить на интересующие тебя вопросы и в то же время дать тебе возможность и средства для высказывания своих откровенных мыслей, суждений и пожеланий, чего в нормальной переписке ты сделать не сможешь.

Должен тебе сообщить, что я являюсь членом Российской революционной организации НТС, которая ставит своей первоочередной задачей уничтожение коммунистической диктатуры на родине путем народно-освободительной революции. Эта задача большой важности и трудности. Ты, имея знакомства в интеллектуальных кругах, мог бы оказать большую услугу нашему делу.

...гой Евгений!
...и? Я так
тебя пи-
...ому вопро-
получения
...него письма

Фотокопия письма А. Липперта с тайнописным текстом, проступившим после проглаживания горячим утюгом.

Для того, чтобы наша переписка продолжалась успешно, я предлагаю пользоваться тайнописью. Открытый текст письма невинного содержания ты должен подписывать вымышленным именем. Отвечать на письма я буду тоже тайнописью. Для того, чтобы прочитать такое письмо, его надо прогладить горячим утюгом. Письма в открытом тексте я буду подписывать «Андрей».

Я надеюсь, что ты ответишь на мое письмо тайнописью и сообщишь свое мнение по затронутым вопросам. Слушаешь ли ты радио?

Крепко жму руку. Александр».

Вот те раз! Оказывается, наш корреспондент был революционером, чуть ли не участником баррикадных боев.

Правда, вообразить его в этой роли было трудновато, потому что истинное лицо организации, членом которой он представился, довольно хорошо известно. Так называемый Народно-трудовой союз (НТС), от имени которого выступал Алекс Липперт, — это кучка одряхлевших белоэмигрантов и всякого рода военных преступников, бежавших на Запад и оказавшихся на службе у иностранных разведок.

Сейчас это обыкновенный филиал американской разведки, дислоцированный во Франкфурте-на-Майне. Его кодовое название — «Шуба». Соответствующие клички носят и главари этого филиала: «Шуба-1», «Шуба-2», «Шуба-3»...

В общем, из-под НТСовской овечьей шубы совершенно отчетливо выглядывает зубастая пасть американского волка.

Когда-то, на заре туманной юности, эта, с позволения сказать, организация, усвоив несколько фраз по-польски, затеяла флирт с офицерами разведки буржуазной Польши. Вслед за тем ей удалось соблазнить некоего титулованного японца. Потом пошла по рукам... Якшалась с итальянцами, крутила с немцами и даже получала алименты от англичан...

Словом, натерпелась, пока не сошлась с богатым американским дядюшкой из ЦРУ.

Частая смена хозяев, разумеется, не могла не наложить своего отпечатка. Поэтому теперь, когда члены этого «трудового союза» собираются вместе, разговор между ними звучит примерно так:

— Аната сигарета кундаса! — начинает один.

— Вечно ты побираешься, пся крев! — отвечает другой.

— Дона уна цигарета! — канючит третий.

— Да пошли вы все к черту! — взрывается обладатель сигарет.

— О'кэй! — восклицают все хором и расходятся по местам.

Вот эта разноязыкая компания и пытается обзавестись агентурой в нашей стране. Из этой затеи чаще всего, разумеется, ничего не получается. Однако американский дядюшка не намерен заниматься филантропией. Он хочет знать, за что платит деньги.

Для того, чтобы перед ним отчитаться, приходится ловчить. Стряпать сенсации из критических заметок в районных газетах, добывать адреса и фамилии из телефонных справочников, заводить переписку под видом собирателей почтовых миниатюр и заядлых нумизматов...

Действовать приходится на авось: а вдруг кто-нибудь да клюнет.

В данном случае объектом такой обработки оказались мы.

— Ах, так! — оживился один из нас. — О'кэй!

— Ах, вот как! — воскликнул другой. — Зер гут!

Господин Липперт совал свой нос во все дырки, нисколько не задумываясь над тем, что его могут прищемить. Бесшабашное обращение со своим собственным носом было достойно удивления. Мясистый отросток, украшавший физиономию какого-нибудь агента 375—240, а может быть, 240—375, соблазнительно маячил перед нами. За него было удобно ухватиться. Не воспользоваться этой возможностью мы не могли.

...В тот же день курьер Таня опустила в почтовый ящик адресованное во Франкфурт-на-Майне ответное послание.

Большой день в Зоссенхайме

Мы полагали, что вся наша переписка с Франкфуртом-на-Майне носила ни к чему не обязывающий характер. Однако, как стало известно позднее, там все наши письма являлись предметом пристального внимания и тщательного изучения.

На первом этапе их глубоко анализировал специалист, который пытался в тексте или между строк обнаружить какие-нибудь обнадеживающие намеки. Затем письма передавались одному греку, выдававшему себя за индийского астролога-графолога. Тот с помощью астрологических тайн проводил графологическую экспертизу, определяя перспективность работы с адресатом.

Неизвестно, кто именно дал благоприятное заключение, то ли специалист по намекам, то ли грек-астролог, но так или иначе агент, скрывавшийся под кличкой Алекс Липперт, решил, что игру в прятки можно кончать.

Отправив нам письмо с тайнописным текстом, он теперь с нетерпением ожидал результатов предпринятой акции. Его человек ежедневно проверял почтовый ящик на Центральном франкфуртском почтамте, куда поступала конспиративная почта «Шубы».

Наконец настал день, когда почтальон «Шубы» обнаружил в почтовом ящике долгожданное письмо. Торопливо сунув конверт в плоский металлический сейф-портфель, он быстро зашагал к автобусной остановке.

Путь почтальона лежал на окраину Франкфурта, в Зоссенхайм. Здесь в укромном местечке, за высокой оградой возвышалось несколько невзрачных строений. По ту сторону глухих ворот стояла сторожевая будка, около которой прогуливалась служебная овчарка.

Это и была штаб-квартира «Шубы».

В тот момент, когда посыльный с походным сейфом, миновав проходную, ступил на огороженную территорию, там как раз царил почти что революционный подъем. Сигналом к этому событию послужил телефонный звонок некоей Натальи Ивановны Кунгурцевой (Трубициной) из франкфуртского центра американской разведки, официально именующего себя «Обществом американских друзей русской свободы».

— Тут для вас кое-что прибыло, — сообщила Кунгурцева. — Присылайте людей и автомашину...

Теперь эта автомашина стояла посреди двора. Над ней во весь рост возвышался один из активных «революционеров» по фамилии Матюков и по кличке Куркуль. Остальные, облепив машину со всех сторон, жадно ему внимали.

— Господа революционеры! — провозглашал Куркуль с высоты своего положения. — В адрес нашей организации поступили из Америки консервы мясные, сыр в банках, смалец и кое-что из одежонки!..

Посылка из-за океана в жизни обитателей Зоссенхайма — событие не такое частое. Поэтому при дележке, как правило, возникали нежелательные инциденты, грозившие расколоть революционные силы на несколько непримиримых лагерей. В связи с этим идеолог организации белоэмигрант Поремский разработал специальную «молекулярную теорию». По этой теории всех обитателей резиденции разделили на группы из трех-четырех человек — «молекулы». Во главе каждой «молекулы» поставили старосту, которого на немецкий манер окрестили «фюрером».

Сыр, консервы и пиджаки между «молекулами» делили поровну, по принципу солидарности, отчего обитатели Зоссенхайма стали именовать себя солидаристами.

После этого окрыленный успехом идеолог пошел дальше. Опыт Зоссенхайма он решил перенести на целые страны и народы и теперь носился с идеей создания солидаристического государства с «молекулами» и «фюрерами».

— Прошу «фюреров» стать в очередь! — объявил Куркуль. — Остальные пусть отойдут!

Получив причитающуюся долю, «фюреры» отводили свои «молекулы» в сторону и принимались делить продукты. Банка мясных консервов — на двоих, банка сыра — на троих. Пальто, пиджаки и брюки после примерки каждый получал индивидуально. Это были не новые пальто, далеко не свежие пиджаки и брюки, но вполне годные для носки. Правда, кое-где встречались небольшие дырочки, но их легко было заштопать, отчего вещь почти не теряла своей респектабельности.

Заокеанские подарки таяли на глазах. Обеспокоенный посыльный, позабыв о своих обязанностях, бросился к автомашине и, расталкивая «фюреров», полез вперед.

— Куда прешь без очереди! — заорал Куркуль. — Где же твоя революционная сознательность? А еще солидарист! Господа «фюреры» спокойно стоят, а ты прешь!

Почтальон обиженно махнул портфельчиком и скрылся в дверях барака, где находилась канцелярия. Слева по коридору располагался «открытый сектор», справа — «закрытый». Прямо по коридору — «оперативный».

По заведенному порядку вся секретная почта немедленно вручалась одному из главарей организации — «Шубе-1». Под этой кличкой фигурировал некто Романов — рыхлый, лысеющий толстяк с округлыми, женственными бедрами, которые прибавили бы шарма любой представительной гранд-даме. Он громко именовался руководителем «закрытого сектора» и в отличие от других занимал отдельную комнату с зарешеченными окнами.

Вскрыв письмо, «Шуба-1» передал его для проявления в лабораторию. Она была оборудована по последнему слову техники. Помимо новенького утюга, имелась еще и универсальная гладильная доска, на которой можно было гладить как письма, так и поступившие из-за океана малоношеные штаны.

Обнаруженная тайнопись явилась приятным сюрпризом.

В кабинет Романова поспешно вошли пожилой фат с угрюмым взглядом и помятой физиономией Поремский — «Шуба-2» — и сухопарый, со скуластым, приплюснутым лицом Околович — «Шуба-3».

Все три «шубы» стоили одна другой. Их послужной список был таким же извилистым и скользким, как и путь самой организации.

Кадровый агент «Интеллидженс сервис» Околович, позднее переметнувшийся к гитлеровцам, в годы второй мировой войны руководил группой провокаторов-подрывников в Смоленске и Орше.

Начинавший свою карьеру клерком парижской уголовной полиции, Поремский сотрудничал с французскими фашистами и немало порадел гитлеровцам в роли осведомителя гестапо.

Теперь оба, так же как и Романов, трудились на дядю Сэма и входили в состав солидаристской верхушки.

Поступившая из самой Москвы тайнопись для всех троих была не менее радостным событием, чем машина с американским пайком для остального персонала «Шубы». До сих пор все предпринимаемые в этом направлении попытки ни к чему не приводили. И вдруг такая удача!

— Я должен, — засуетился Романов, — обрадовать наших американских друзей!

Для того чтобы доклад выглядел обстоятельным, понадобилось заслушать информацию сотрудника, обеспечившего успех операции.

— Пригласите, пожалуйста, мадам Ару! — высунулся за дверь Романов.

На зов явилась молодящаяся дама с фигурой, пышность которой не мог скрыть даже туго стянутый корсет. Она считалась непревзойденным специалистом по обработке юношеских умов, в чем ей немало помогал опыт собственной бурно проведенной молодости.

Это была Ариадна Ширинкина. Она же филателист Левин, коммивояжер Алекс Липперт и не назвавший своей профессии Андрей Липинский.

Информация Ширинкиной была довольно скудной и малосодержательной, но Романов нетерпеливо потянулся к телефонной трубке. Набрав известный ему одному номер небольшой фирмы по распродаже подержанной мебели, он попросил к телефону герра Крафта.

— Крафт слушает! — буркнул в трубку недовольный бас.

«Шуба-1» попросил назначить встречу.

— О'кэй, герр Крафт! — подобострастно заулыбался он. — Сенкью, сенкью!

Закончив разговор, Романов сообщил присутствующим, что встреча с господином Смитом состоится сегодня вечером в отеле «Рекс».

— Со Смитом? — удивился Околович. — Вы же говорили с Крафтом!

— Да, да, — раздраженно отмахнулся Романов. Я говорил с Крафтом! Но он же и Смит! Он же... И вообще подлинное имя нашего американского друга Берка никому не известно. Я думаю, что оно не известно даже ему самому...

Желая убедить своих американских друзей в том, что жизнь главарей «Шубы» постоянно подвергается опасности, ехать в отель решили в сопровождении телохранителей. Романов, Поремский и Околович отправились к месту встречи в черном «мерседесе». За ним следовал старенький, дребезжащий «фольксваген», в котором сидели трое субъектов в разномастных пиджаках из только что распакованной заокеанской посылки.

Беспрепятственно пройти в отель удалось только пассажирам «мерседеса». Перед телохранителями, которые в заморских нарядах казались друг другу вполне элегантными, швейцар презрительно захлопнул дверь. Отель «Рекс» имел безупречную репутацию.

Конспиративную явку мистера Смита, которая находилась в дорогом трехкомнатном номере отеля, верховоды «Шубы» покинули около полуночи. Впереди, угодливо заглядывая американцу в глаза и доказывая что-то на ходу, семенил широкобедрый Романов. «Шуба-2» и «Шуба-3» следовали чуть позади.

Американец, пожелавший переговорить с Романовым с глазу на глаз, расположился в черном «мерседесе». Поремский и Околович, которым дали понять, что их присутствие при этой беседе нежелательно, с недовольными физиономиями втиснулись в «фольксваген».

— Вот увидите, — алчно сверкнул глазами Околович, — он выкачает из этого американца свой куш! Будьте уверены, эта задница своего не упустит! Подумать только, акция «Семинарист»!

Все эти вожди, помимо агентурных кличек, имели еще и прозвища. «Задница» было прозвищем Романова.

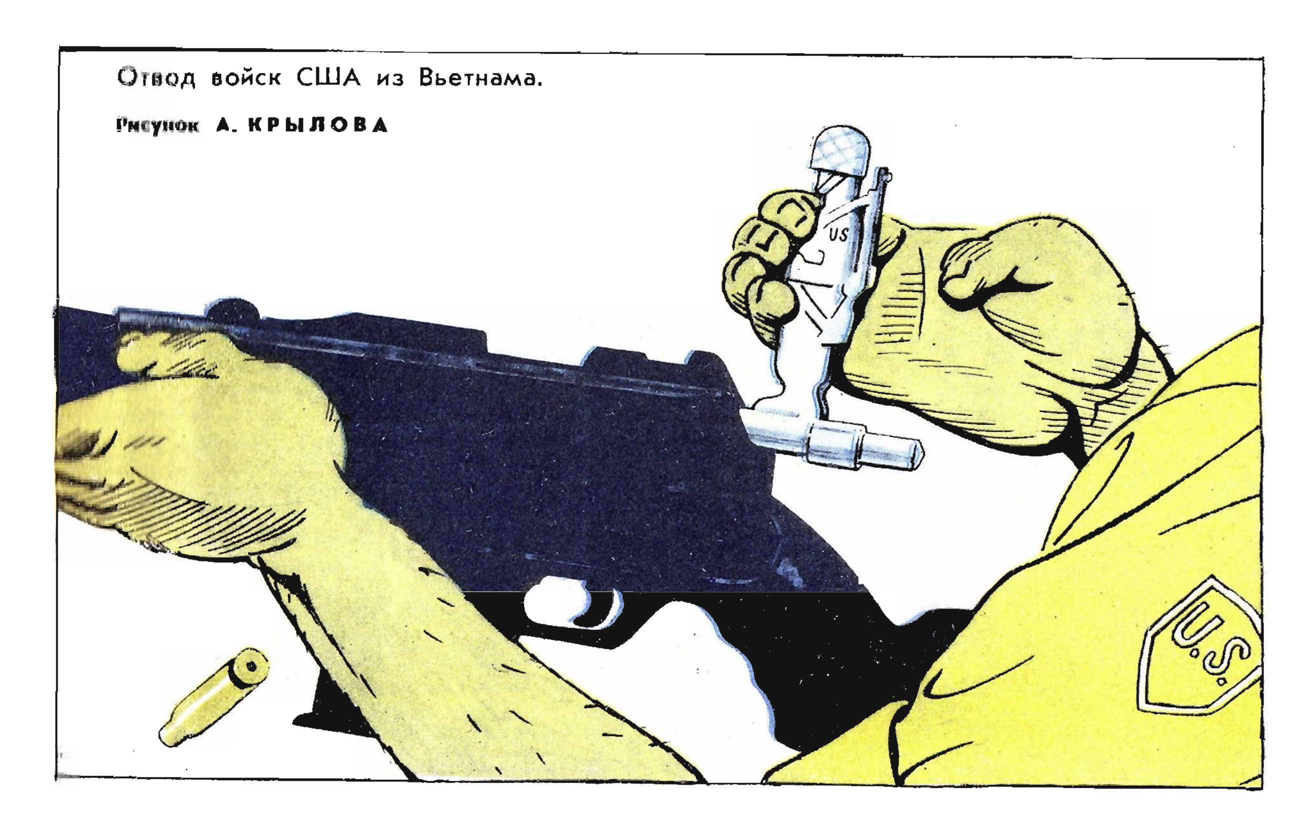
Перегруженный «фольксваген», выпустив облако дыма, задребезжал по Брудер-Гриммштрассе.

Так закончился большой день в Зоссенхайме.

Продолжение в следующем номере.

— Подшейте еще этот кусочек!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Отвод войск США из Вьетнама.

Рисунок А. КРЫЛОВА

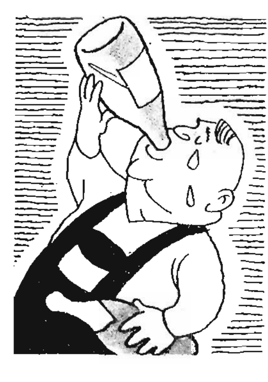

ДИРБОРН (США). В начале года на заводах Форда многие рабочие были уволены или переведены на укороченную неделю. Именно этот момент автомобильный магнат счел удобным для сообщения о том, что прибыли компании за 1969 год после вычета налогов исчисляются в сумме около одного миллиарда долларов. После этого мистер Форд добавил, что «немного депрессии нам не повредит».

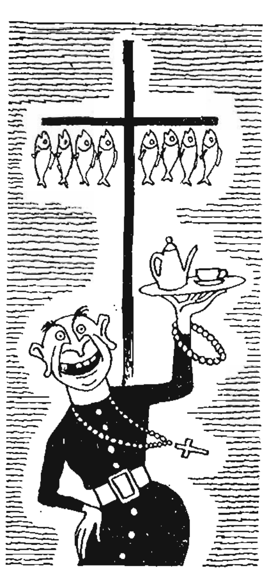
Возникает вопрос: кого мистер Форд понимает под местоимением «нам»? Себя и свою семью или тысячи рабочих, которые остались без работы? Неясность эта, впрочем, носит не столько грамматический, сколько классовый характер. Ведь то, что хорошо миллиардеру, не слишком приятно рабочим...

ТУРИН (Италия). 79-летний житель этого города Джованни Пецци получил недавно извещение о повышении в воинском звании. Теперь он может на законном основании считать себя сержантом 2-го полка берсальеров, где он служил более 60 лет тому назад. Рапорт о присвоении рядовому Пецци чина сержанта направил по начальству еще в 1904 году ротный командир того же полка. Сейчас Пецци узнал, что рапорт не был напрасным, но он не мог установить: то ли оформление длилось 60 лет, то ли почта доставила уведомление с небольшим запозданием...

МЮНХЕН. Известный реваншист Франц Иозеф Штраус получил недавно полновесную посылку от американского журналиста Сульцбергера — ящик французского шампанского. Американец держал пари со Штраусом, что тот до 1 января 1970 года станет канцлером ФРГ. Спорили на ящик шампанского, и теперь американец выплатил проигрыш. Однако это был тот редкий случай, когда шампанское не веселит и даже отличается горьким привкусом.

ВУДХЭМ ФЕРРЕРС (Англия). Преподобный Джон Стоун ввиду заметного сокращения количества прихожан, интересующихся его воскресными проповедями, р е ш и л спешно поправить дела в доме божьем. В притворах установлены кофеварки «Эспрессо» и организован небольшой буфет, где продают рыбу и жареную картошку в пакетиках. «Это — напоминание о том, как Христос накормил пять тысяч голодных двумя рыбами и пятью хлебами,— объяснил преподобный Стоун, но тут же честно добавил:— По воскресеньям во всей нашей округе не продают горячей еды». Теперь храм божий, превращенный в забегаловку, может похвастаться по воскресеньям большими сборищами прихожан — любителей закусить на ходу.

Бой с тенью.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Александр СОБОЛЕВ

Собачья совесть

Вдоль Садово-Триумфальной,
восклицая:
«Я орел!» —
захмелевший и скандальный,
гражданин с овчаркой брел.
Хрипло брань
на всю округу
омерзительную нес.
Очень стыдно было другу —
покраснел собачий нос.
Было душно, было жарко.
Кулаком размазав пот,
гражданин свою овчарку
угостил... пинком в живот.
Оглядел дороги ленту,
через улицу махнул,
попетлял у монумента,
ткнулся в землю и уснул.
Тут как тут товарищ верный,
страж — матерый волк на вид —
рядом сел.
И так примерно
в мыслях молча говорит:
«Все ж мне жаль тебя, беднягу,
Как ты гадость пьешь да пьешь?
На бездомную дворнягу
ты совсем уже похож.
От тебя
хоть с камнем в воду,
от тебя тоска в груди.
Сколько собралось народу!
Непутевый, погляди!»
Шум и гам зевак московских:
кто-то «против»,
кто-то «за».
А над ними — Маяковский,
гнев горит в его глазах...
Ночь.
Где следует, «героя»
вытрезвляют от вина.
Дома пес скулит и воет,
будто в том его вина.

— Какой я жулик? Я же со своего родного завода беру!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ФУТБОЛКИ СВОБОДНОГО ПОКРОЯ

В связи с недавними чемпионатами Европы и мира по фигурному катанию мне пришлось слышать целый ряд мнений и суждений по вопросам, о которых и самому хотелось бы высказаться.

1. Говорят, что обязательная программа — так называемая школа — не нужна, что она архаична, что произвольная программа сама по себе включает все элементы, которые необходимы для фигурного катания.

Мне кажется, что эта точка зрения несостоятельна. Мало того, различным федерациям следует подумать над тем, чтобы включить обязательную программу и в другие виды спорта. Например, перед футбольным матчем игрокам следовало бы выполнить ряд обязательных упражнений. Скажем, трижды попасть мячом во вратаря с трех метров, убедительно симулировать травму, в течение минуты пререкаться с судьей, ни разу не повторившись. И лишь при условии успешного выполнения этих требований и подтверждения своего класса игроки допускались бы к самому матчу.

2. Говорят (в том числе и сама Габи Зайферт), что новичок, как бы блестяще он ни катался, не получит у судей оценок выше чем 5,5—5,6. А это, мол, неспортивно.

Я же уверен, что такую систему следует внедрить и в другие виды спорта. Например, пробежал новичок стометровку за 9,8 секунды, установив мировой рекорд. Опытные судьи, безусловно, накинут ему целую секунду, а рекорд соответственно не засчитают. Молод, мол, еще так быстро бегать. Нечего раньше времени вылезать вперед, жди своей очереди.

3. Разнобой в судейских баллах (иногда до 0,5—0,6 балла) снижает ценность объективного судейства.

Мне же кажется, что непредугадываемость судейских оценок, наоборот, придает остроту соревнованиям. Представим себе на минутку, что девять судей судят футбольный матч. Одни судьи дают победу одной команде, другие — другой. Интересно и волнительно.

4. Злые языки утверждают, будто телекомментатор Сергей Кононыхин совершенно перестал комментировать выступления фигуристов, сосредоточившись на описании их туалетов и изложении биографических данных.

Я уверен, что эту практику также следует перенести на другие виды спорта. Можно легко представить себе, как вел бы Сергей Кононыхин репортаж с футбольного матча.

— Итак, на поле выходит «Спартак». Спартаковцы сегодня одеты в элегантные белые трусы и красные футболки свободного покроя... К сожалению, из нашей кабины не видно, каким стежком пришиты их номера к футболкам... Команде в среднем двадцать два года, она живет в Москве и учится на втором курсе Малаховского археологического политехникума. У столичных динамовцев также строгие классические трусы, несколько более насыщенного белого цвета и прелестные бело-голубые футболки. В среднем они учатся на первом курсе балетной школы при Московском планетарии... А теперь подождем конца матча и узнаем решение судей.

З. ЮРЬЕВ

ВЕРНИСАЖ

— Нет, ты мне скажи, можно на баб этих угодить, на женщин, значит, ну, то есть на жен? — Так как ничего другого под рукой не было, Коля Утюгов хлебнул красного автола марки «Вермут» и закусил печальным вздохом.— Ты ей от души какой-нибудь вернисаж делаешь, а она тебя за это идиотом безрогим обзывает... Да вот тебе живой пример. Сижу я третьего дня в ресторане. У нее как раз день рождения был. Вот сижу... Ты не подумай, все культурненько: шампанское, ну, там, седедочка с лучком и все такое. Водки — ни-ни. Сижу, значит. И пью только за ее здоровье. Исключительно за ее. И о чем я думаю? Скажешь, о девчонках каких?.. Там, между прочим, одна была. Ух, и курочка — я тебе дам!.. И вовсе не о девчонках я думаю. А думаю я о том, какой вернисаж своей Люське в этот день устроить, удовольствие, значит, то есть радость какую. Сижу. Шампанское тут, селедочка с лучком. Культурненько. И понял: ничего придумать не могу. Заклинило на чердаке.

Ну тут уже закрывать собираются, официантки народ культурненько вышибают. А у меня мысль объявилась, то есть идея — я тебе дам! «Фофан,— думаю,— несчастный, забыл, что Люська музыку во как уважает!»

Подхожу я к тем ребятам, что весь вечер там дрозда давали. Так и так, говорю, ребята, надо Люську уважить, а я вам за это четвертную, и пару баночек раздавим. Люська закусочку сообразит. Валим сейчас ко мне, вы там одну песню изобразите. Люськину любимую. И всего делов. Вот эту песню: «Городок наш ничего, населенье таково. Тили-люли-тили-люли, тили-люли-тили-лю». Знаете? Ну и порядок.

Там некоторые шибко грамотные оказались. А трое ребят—ничего, толкуют: это можно. Трубач, значит, барабанщик и еще один, на такой штуке, понял, дует, вроде трубы, а впереди вставлена штуковина, дуга с перекладинкой, и он эту дугу взад-вперед шурует... Может, и тромбон. Я названия не знаю.

Ну, притопали мы. Все культурненько. Только барабан еле вперли на третий этаж. Открываю я дверь: темно. Значит, Люська уже спать завалилась. Веришь, так обидно мне стало. Я ж для тебя стараюсь, а ты подождать не могла, дрыхнешь. Хотел уже всю эту музыку отменить. Точно хотел. Да перед ребятами неудобно. Ну я, вроде так и надо, провел их тихарем на кухню. Мы, говорю, ей неожиданный вернисаж устроим, удовольствие то есть неожиданное.

Скомандовал я: «Три-четыре». Ребята дунули.

Тут Люська вылетает на кухню в одной рубашке и вместо спасиба начинает против нас фехтование шваброй.

Я ей говорю:

— Люська, веди себя культурненько. Не позорь меня перед людями.

А она мне кричит:

— Идиот безрогий!

И продолжает этот фестиваль со шваброй. Ребята, конечно, отбиваются, как могут. Тому, с тромбоном, лучше всех было, он свою дугу с перекладиной вытащил и ею, стало быть.

Ребята потихоньку к дверям отходят, я с ними, а этот, с тромбоном, прикрывает.

Вывалились мы на лестницу. Люська дверь захлопнула.

А мне, веришь, так обидно. В душу она мне наплевала.

— Ребята, — говорю, — вы не обижайтесь. Это она сегодня какая-то чокнутая. А вообще она музыку во как уважает.

Ну они говорят: чего там, бывает, гони четвертной.

Как четвертной? Вы же и не сыграли почти что ничего. Во народ! Пятерку, говорю, за глаза, да еще много будет... Тут барабанщик, здоровый такой лоб...

...В общем, отдал я им четвертную... И Люська со мною же три дня не разговаривает! Я ей от души, чтобы вернисаж, значит, а она воротится!

«БИБИКОВ»

НЕЖНЫЙ ГРУЗ

— Здрасте, Борис Сергеич. Звали?

— Да, звал. Ты что же это, Смухин, опять кирпичей наломал? Опять акт прислали и претензию на тринадцать рублей семьдесят две копейки.

— Так ведь, Борис Сергеич, мы сдельно работаем, с тонно-километра, так что гоним, не сбавляя скорости. А дорога плохая — ямы да колдобины... Кирпич, он хрупкий.

— М-да, придется тебе, Смухин, того... расстаться с баранкой.

— Это что же, Борис Сергеич, уволить меня желаете, что ли?

— Ума не приложу, Смухин, что с тобой делать. Кирпич ты ломаешь, и увольнять тебя мне жаль. Не могу я, как другие, взять да уволить. Человек ты хороший, уважительный. Давно работаешь. Ну, ладно, что-нибудь придумаем... что-нибудь сообразим...

— Спасибо, Борис Сергеич. Добрый вы человек, душевный.

— Вот что! Пересадим-ка мы тебя, Смухин, на автобус.

— Кирпич на автобусе возить?

— Серый ты, Смухин, человек. Я тебе сказал, что кирпич возить ты не годен. Людей будешь возить, пассажиров!

— А ежели я, Борис Сергеич, яму не объеду, или на повороте не сбавлю скорость, или где резко заторможу? Дорога-то, сами знаете... Чего доброго, пассажиров растрясет, шишек или синяков набьют. Пассажир — это ведь не кирпич!

— Вот в том-то и штука! Наш пассажир — человек трудовой. Крепкий. Без капризов. Не то что кирпич. Жаловаться из за пустяков не будет. Ну, матерком запустит. А ты сиди себе в кабине и верти баранку. Ты от них отгорожен...

«ПАПАХА»

ВСЕ—КАК У ЛЮДЕЙ!

Взвинченный Новосел влетел в конторку Прораба, с разбегу стукнул кулаком по дощатому столу и, занозив руку, завопил от боли.

— Ушиблись? — сочувственно поинтересовался Прораб.

— Это безобразие! — закричал Новосел. — Я требую немедленно...

— Будет! — ласково перебил его Прораб.— Все будет немедленно! Только давайте спокойненько и по порядку.

— Хо-ро-шо! — угрожающе протянул Новосел. — Давайте по порядку. Вчера я вселился в дом, который строила ваша бригада...

Прораб вскочил и, просияв, начал трясти ушибленную руку Новосела:

— Поздравляю! Очень и очень рад! У нас тысячи семей получают ежедневно новые благоустроенные квартиры. Так что у вас все — как у людей!

Прораб даже попытался обнять Новосела, но тот юрко выскользнул из его объятий.

— Да, но эти тысячи семей, возможно, получают действительно благоустроенные квартиры, а у меня какой-то полуфабрикат!

— Что значит полуфабрикат? — обиделся Прораб. — Штукатурка падает?

— Падает!

— Ну вот, все — как у людей! Паркет поднимается?

— Поднимается!

— Все — как у людей! Двери не открываются?

— Как раз открываются! — ехидно сказал Новосел. — Но зато не закрываются!

— Окна тоже не закрываются?

— Закрываются! Но зато не открываются!

— Ну вот, — успокоился Прораб, — все — как у людей! Горячая вода из кранов не течет?

— Не течет!

— Но зато течет горячая водичка из батарей?

— Течет!

— Все — как у людей! Ванны еще, надеюсь, нет?

— Нет!

— Обещают привезти ко Дню работников коммунального хозяйства?

— Обещают!

— Ну вот, я же говорил: у вас все — как у людей!

И Прораб наконец обнял потерявшего способность к сопротивлению Новосела.

— Чего же вы еще хотите, дорогой?

— Хотелось бы, — робко вздохнул Новосел, — капитальный ремонт...

— Ни в коем случае! — Прораб в ужасе вскочил и закрыл своей грудью Новосела от какой-то невидимой, но явно грозной опасности. — Ни в коем случае! По строительным нормам ваш дом еще год будет давать осадку. Может, даже осядет так, что этажом ниже станет! Так что через годик приходите к нам в это же время. Мы вам лучших ремонтников порекомендуем. И будет все — как у людей!

«ДВОЕ»

П. ДУДОЧКИН

СЕКРЕТЫ ЗОДЧЕСТВА

Ох уж эти нынешние туристы! До чего же образованная публика! Раньше, бывало, приезжая в город Калинин, вели себя со скромной любознательностью: дескать, а это что? А это кто построил? А это почему так названо?..

Сейчас же куда как дотошнее стали. И все сами ведают, и во всем разбираются, и ежели вопросы задают, так наверняка с подковыркой. Вроде бы поначалу и невинно этак интересуются:

— Верно ли, что городу почти тысяча лет?.. Верно ли, что еще несколько веков назад Тверь удивляла мир своей самобытной архитектурой?.. Верно ли, что тверские вице-губернаторы, баснописец Измайлов, сатирик Салтыков-Щедрин, романист Лажечников гордились Тверью и утверждали, что ансамбли здешних площадей, улиц и другие творения зодчих будут вечно радовать потомков?

А как только услышат ответ: «Верно! Верно! Верно!»,— тогда дерзко спрашивают:

— А правда ли, что старая Тверь с чьей-то нелегкой руки исчезает прямо-таки на глазах?

После огорчительных пауз случаются парадоксы: уже не хозяева города гостям, а гости хозяевам показывают кое-какие места. И всё с подходом, всё с подвохом.

— Говорят, на площади Путевого дворца несколько веков красовалось первое каменное здание города — Кафедральный собор, построенный местными умельцами еще в 1285 году. Где же он?

— Был такой...

— А поблизости были Торговые ряды.

— И они были...

Так разговор и продолжается: были да были. А где нынче-то?

А нынче все делается в соответствии с замыслами местных зодчих: пускай-де на месте старой двух-трехэтажной Твери красуется что-нибудь многоэтажное. Замыслы вроде бы прогрессивные. По идее. А в живой реальности уникальные старинные храмы — на снос. Вместо них — магазины и ларьки, как у вокзала. Добротнейшие каменные особняки, которым стоять бы да стоять сотни лет,— под откос. Вместо них — типовые дома-близнецы, такие, к примеру, как на площади Победы.

— И все это в центре города?

— В самом что ни на есть.

— Почему же именно в центре? Разве мало в границах города пустующей земли?

— Опять же согласно замыслу облпроекта. Все старинное — под бульдозер... Впрочем, не все. Кое-что на новый лад. Полюбуйтесь на особняк, что у Сенной площади.

Велика сила соблазна. Тем паче у гостей, да еще у туристов-краеведов. Тут в самом деле есть что посмотреть. Был дом как дом. Двухэтажный. Из красного кирпича. В старинном тверском стиле. С большими окнами. С парадным подъездом. С простыми, но оригинальными украшениями из кирпича — поясками, карнизами, узорами. И посмотреть любо, и жить хорошо.

Однако же в горсовете и председательствовавший до нынешнего года Ростислав Дмитриевич Хабаров (сейчас он здравствует на другом посту) и его помощники сочли по-своему: дом не соответствует духу времени. Этакая хоромина — и всего-навсего два этажа! Да еще не по-современному высоченные потолки. Да еще не по-нынешнему широченные окна. Ужать! Убрать! Переделать!

И стали переделывать.

Напрасно горожане, сфотографировав несчастное здание, убеждали отцов города, что дом после такой реставрации окажется уродливым (обратите и вы, читатель, внимание на снимок). Не пришивают же хлястик на рукаве пиджака, а пуговицы вдоль спины...

НЕ ЖДАЛИ...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Верные себе, отцы города только плечами пожимали.

— Вы насчет хлястика бросьте. Вон в переделанном доме у Центральной гостиницы живут же люди, не убегают.

Верно, живут. Даже прохожие перестали шарахаться, привыкли.

Словом, градоуправители переиначивают все на свой лад. Лихо расправляются не только с древними, но и с вполне пригодными для жилья, так сказать, «старорежимными» зданиями на улицах Советской, «Правды» и в других местах: а то кто знает, сколько веков они еще простоят, дворянские гнезда! Строили-то предки на века, на молоке да на куриных яйцах растворы замешивали.

В общем, у здешних зодчих своя мода: не просто строить, а сначала разрушить.

И снова дотошные туристы вопросами закидывают:

— Может, денежная выгода большая?

— Построим — подсчитаем.

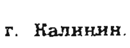
— Неужто до сих пор не подсчитывали?

— Пока без убытков не обходилось. Однако думаем, строить заново выгоднее.

— Ну и зодчие в Калинине!

Кто же они? Кто столь лихо переделывает древний центр города? Кто пренебрегает неповторимым зодческим искусством прошлых веков?

Имена реставраторов, конечно, известны. Это не архитекторы, нет, а прежде всего секретарь горкома партии Иван Максимович Торбин и беспрекословные исполнители его своеобычной воли из горсовета. Чьи они ученики в архитектуре — это пока еще белое пятно градостроительства, полной ясности тут нет. Как говорится, тема ждет своих исследователей.

г. Калинин.

«Со мною были суточники мелко-арестованные».

(Из рапорта)

Прислал Н. Иовчик, г. Ленинград.

«Кто желает вступить в общество «Охраны природы» — записаться у Лисятина Б. П. Вступительные — 50 коп., а членам общества внести членские взносы за 1970 г.

Всем членам общества «Охраны природы» будут выдаваться крышки для консервирования.

Цехком».

(Объявление в цехе Химкомбината)

Списал В. Яковлев, г. Саратов.

«Данная деталь по своей конструкции настолько проста, что показать ее на чертеже не представилось возможным».

(Из ответа на защите дипломного проекта)

Прислал Ю. Преображенский, г. Москва.

«Цветные артисты стоят 6 копеек».

(Объявление в киоске)

Записал С. Муравьев, г. Смоленск.

«Мужчину надо всегда подбадривать и поддерживать, потому что не такое уж это сильное животное, чтобы самостоятельно стоять на ногах».

(Из выступления в товарищеском суде)

«Ввиду того, что дефицитного товара поступает очень мало, я, чтобы избежать толкотни и несчастных случаев, в силу стечения обстоятельств иногда продаю его из-под прилавка».

(Из объяснительной записки продавца)

Собрал А. Любавин, г. Ташкент.

«Я, Бузолин В. И., прогулял с 28 по 31 число ввиду того, что ездил в Курганскую область за теленком, и ввиду плохой погоды кое-как добрался до дома. Прошу простить больше прогуливать не буду. Я же не виноват, виноватый теленок, в следующее воскресение я его заколю».

«Я, шофер Огурцов А., приехал с работы и в гараже выпил бутылку водки. Пошел домой не через ворота, а через забор».

(Из объяснительных записок)

Собрал И. Русин, г. Березовский, Автотранспортное предприятие.

МИНИАТЮРЫ

А. ГАЛАТЕНКО

ОТВЕТ

Хвалилась Радиола Соловью:
— Я день и ночь
на все лады пою.
Спросить тебя давно,
мой друг, хотела:
Одно и то же петь не надоело?
И Соловей на это отвечал:
— Меня еще никто
не выключал...

г. Сочи.

М. ДВИНСКИЙ

ЦВЕТ И ВРЕМЯ

Зеленый цвет
приписывают скуке.
Давно ль?
Известно лишь одно науке:
когда так было решено,
цветного не было кино.

г. Вильнюс.

К. СЕРГИЕНКО

Эпитафии

РАСХИТИТЕЛЮ

Лежит здесь тот,
кто, не жалея сил,
Так много на работе
выносил...
Он все бы вынес
даже без труда,
Когда б его не вынесли сюда.

БОЛЕЛЬЩИКУ

Судьба свела болельщика
в могилу,
Хоть он вопил: «Судьбу —
на мыло!»

г. Одесса.

Рисунок И. СЫЧЕВА

СМУ.

— А вот и кирпич привезли!

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

С радостью констатируем, что наш призыв к любителям юмористического языкознания «жать на всю железку» не остался неуслышанным.

Отдел веселой лингвистики продолжает свою работу. Так что дуй до горы, дорогой читатель. Кстати, почему мы так говорим!

Жми на всю железку — выражение родилось как совет женщине, безуспешно старающейся расстегнуть бракованную «молнию».

Г. ЛЕВИТИНА, г. Москва.

Водолазка — тонкий синтетический свитер. Чтобы раздобыть его, некоторые модницы готовы опуститься на дно морское. Отсюда и название.

Выйти боком — первыми так стали говорить новоселы. Единственный способ выйти из некоторых современных квартир.

Бросать перчатку — устарелое выражение. Дуэли отменены, а купить перчатки трудно.

В. СЕМЕНОВ, г. Москва.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Эй, друг, что это ты льешь в озеро?
— Капли для аппетита. Проклятые рыбы не желают брать наживку.

●

Двадцать первый век. На одной из центральных городских улиц, по которой непрерывным потоком движутся автомобили, стоят два грустных пешехода.
— Как вам удалось перейти на эту сторону? — спрашивает один.
— А я не переходил, я тут родился.

●

— Почему Петров вчера так кричал на свою жену?
— Она не хотела сказать, на что истратила деньгн.
— А почему же сегодня он кричит в два раза громче?
— Сегодня она ему сказала.

●

— Наш Вася купил книгу «Будьте вежливы» и тщательно ее изучает. Уже заметны некоторые результаты. Вчера в троллейбусе женщина, стоявшая рядом с ним, уронила на пол варежку, и Вася...
— Поднял?
— Не совсем. Он пододвинул варежку ногой так, чтобы женщине было удобнее поднять ее.

●

В Эдинбурге встретились два приятеля.
— Ты не мог бы одолжить мне один фунт?
— К сожалению, дружище, у меня нет при себе денег.
— А дома?
— Спасибо, все здоровы!

●

В дождливый осенний вечер Андерсон постучал в двери Юхансона.
— Ты дома, Юхансон?
— Нет,— сонно ответил хозяин,— меня нет.
— Но ведь твои калоши стоят за дверью,— сказал Андерсон.
— У меня две пары калош!
— Ну, если так...— пробурчал Андерсон и пошел домой.

●

В одном городе открылся магазин живой дичи.
— Есть у вас зайцы? — спросил покупатель.
— Конечно. Вот вам ружье: наш магазин перешел на самообслуживание.

●

Племянник спрашивает парижанина.
— Дядя, что легче забыть — вино или женщину?
— Это зависит от возраста... вина.

●

В гостях маленькая девочка стала просить еще кусочек торта. Хозяйка дома говорит:
— Милая, разве твоя мама не говорила тебе, что хорошо воспитанная девочка не просит добавки?
— Говорила, но она не знала, что кусочки будут такие маленькие!

●

ПЯТИБОРЬЕ ОСТРОУМНЫХ

Вскоре после того, как во втором номере нашего журнала было напечатано задание первого этапа, на редакцию буквально обрушился шквал писем. Энтузиазм читателей превзошел наши самые смелые ожидания. С каждым днем почта работала все напряженнее, не говоря уже о сотрудниках редакции, которые даже во сне видели голого человека в шапке и толстяка в шубе, но без шапки. Вскоре счет писем шел уже на тысячи, и к первому марта, когда кончился срок присылки ответов, редакция получила больше двадцати одной тысячи писем. Впрочем, слово «письмо» мы употребляем в собирательном смысле, потому что нам прислали семьдесят две телеграммы и больше пятидесяти ответов мы получили по телефону.

Письма приходили разные. Олег Буклерскнй из Баку прислал нам сразу 115 вариантов подписей к рисунку Караваевых, установив тем самым абсолютный рекорд. Зато открытка С. Писарькова из Горловки была предельно лаконична: «Ответить не могу». В. Высоцкая из г. Нальчика украсила свое письмо изображениями горных вершин, а Нина Барсукова из Кемеровской области, ученица 2-го класса, порадовала нас прекрасным почерком. Другой наш юный пятиборец, Андрей Бутырский, тоже ученик 2-го класса из г. Ливны, растет человеком точным и пунктуальным. На его письме есть точное указание времени, когда он придумал подпись: 13 ч. 5. 2. 1970 г.

Лучшими подписями жюри признало следующие:

— А где это вы шапку достали?

— А мне повезло, мне хоть шапку оставили.

— И как это у вас уши не мерзнут?

— Экий вы рассеянный, опять шапку забыли надеть.

— Как банька?
— Да вот вышел погреться.

Зависть.

— Интересно, а кто же у нас был третьим?

Однако ни за одну из них мы не можем начислить очки авторам. Дело в том, что каждый из этих вариантов повторяется по меньшей мере десятки раз, а подпись «Где вы достали шапку?» мы встретили в 112 письмах. Это, впрочем, еще не рекорд. Варианты с «моржами» оказались по душе 437 читателям, а подпись «С миру по нитке — голому рубашка» прислали без малого 600 читателей нашего журнала. Вообще же следует отметить, что огромное большинство подписей содержало в себе упрек нашей легкой промышленности, которая никак не может наладить выпуск меховых шапок в достаточном количестве.

Итак, пятиборье продолжается, а фактически начинается сначала. Наш второй этап значительно сложнее, и поэтому мы надеемся, что на сей раз победителями окажутся самые-самые остроумные...

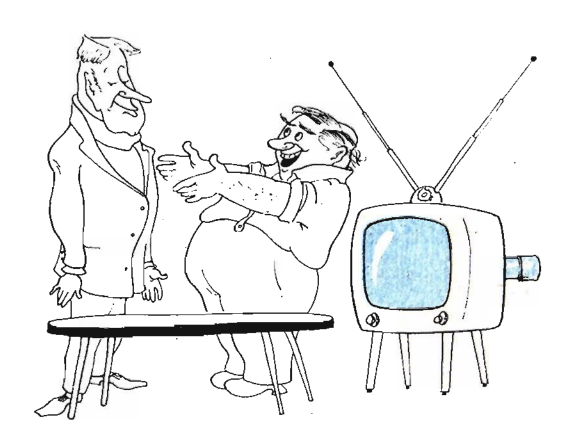
Госторгинспекция Министерства торговли РСФСР сообщает: магнитофон «Брянск» при воспроизведении звука и записи возбуждается, прослушивается сильный треск, не действует перемотка пленки влево. Короче говоря, магнитофон ведет себя, как ему заблагорассудится, но не так, как ему положено. В общем, типичный брак.

Теперь представьте себе, что вы директор завода, выпускающего этот уникальный магнитофон, и вам нужно придумать остроумную рекламу своей продукции. Вы должны убедить покупателей, что магнитофон, несмотря на все его дефекты, купить все-таки можно и даже нужно. Реклама может быть в прозе, в стихах или, наконец, в рисунке. Главное условие — остроумие.

Ждем ваших писем до 1 мая. Результаты второго этапа будут опубликованы в 14-м номере Крокодила.

Не забудьте указать на конвертах или открытках: «Пятиборье, 2-й этап».

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

— Садись, выпьем за встречу!

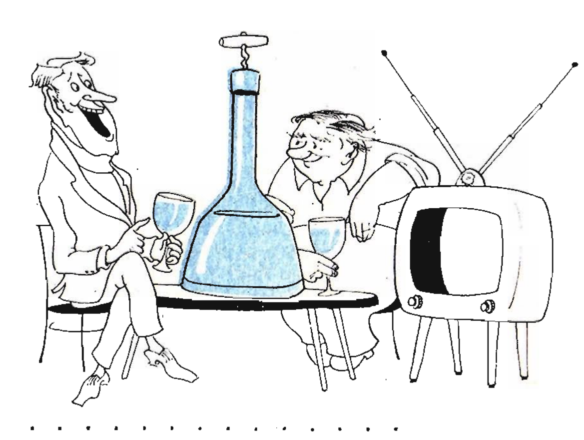
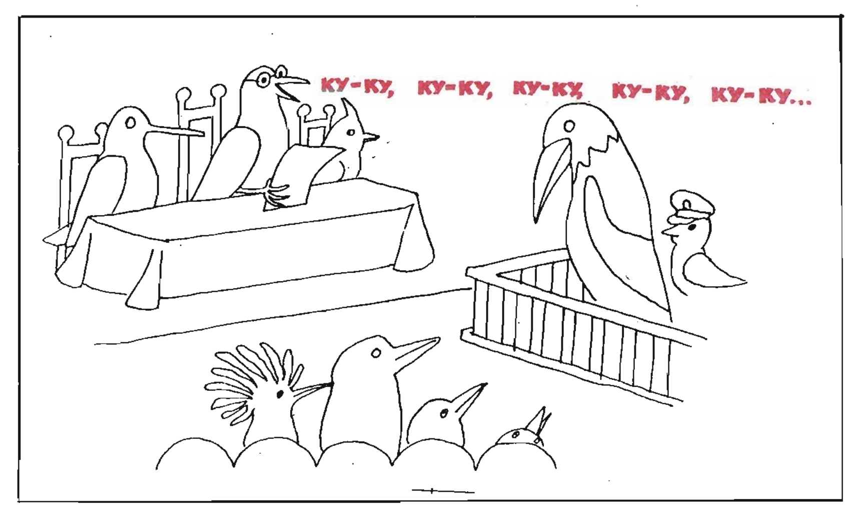

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Вынесение приговора. Рисунок А. СЕМЕНОВА

Заходит на посадку. Рисунок В. КАНЕВСКОГО

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

— Пожар «козлу» не помеха,— сострили пожарники и со спокойными сердцами уселись в теплой дежурной комнате за стол забить последнюю в уходящем году партию домино. Игра сложилась на редкость захватывающая и упорная.

— Горит каланча! — Этот возглас, донесшийся сквозь двойные стекла окон, был встречен подавляющей частью пожарной дружины как пошлая, неоригинальная шутка.

— А может, тут есть смысл? — спросил один неверующий.

— Ходи! — закричали на него со всех сторон.

— А если горит? — слабо сопротивлялся неверующий, но теперь уже больше из гонора.

Спор жрецов огня грозил затянуться на всю новогоднюю ночь, и потому было решено всей компанией выбраться на мороз из теплой пожарки, чтобы визуально убедиться, кто прав.

— Братцы, — сказал тот, кто вышел первый,— а была ли вообще каланча-то?

Увы, к моменту выхода дружины каланчи как реально существующего объекта уже не было, и спор поэтому продолжили на пепелище.

Но нет худа без добра: на месте сгоревшей каланчи решено весной заложить парк культуры и отдыха кудымкарских пожарников. Надо надеяться, что для игры в домино будет выделен специальный павильон. Ведь не было бы домино — не было бы и «козла», а не было бы «козла» — была бы каланча.

Вит. ПАШИН.

Пермская область.

Когда судят победителей

Считается, что победителей не судят. Однако это неписаное правило бессовестно нарушили авторы сборника сатирических рассказов и фельетонов «Живая копейка», изданного в Молдавии по материалам журнала «Кипэруш» («Перчик»).

Так, Владимир Субботин в повести-миниатюре едко осуждает «живую копейку», которая сумела подмять под себя стяжателей из универмага, таксомоторного парка, ателье по ремонту телевизоров... Михаил Мельник в фантастическом рассказе «Массаж» судит нелицеприятным общественным судом клеветника и доносчика... Георгий Марин приводит на скамью подсудимых «Винцо красное», уложившее на обе лопатки слабого духом Гицэ Куркубату... Барбу Рабий весело осуждает в своих миниатюрах «Быль в глаза» разных псевдоспециалистов и мнимопередовиков...

В итоге сатирики выходят победителями. Но опять-таки вопреки правилу их судят... Теперь уже читатели. Судят, но, надеемся, не осуждают.

И музыканты смеются

Когда молодой, но весьма уверенный в себе тенор сказал как-то Карузо: «Вчера в опере мой голос прозвучал во всех ярусах театра!», великий певец отвечал: «Да, я видел, как публика везде уступала ему место».

А когда кто-то восхитился одной очень красивой, но посредственной участницей Международного конкурса имени П. И. Чайковского, сказав: «Это же вылитая Венера Милосская!» — почтенный и очень серьезный профессор Нейгауз ответил: «Да, только для большего сходства ей нужно было бы отбить руки».

Оказалось, что фактов такого рода великое множество и что все вместе они составили веселую книжку «Музыканты смеются», которая вышла в издательстве «Музична Україна». Книжка эта — прямое доказательство того, что ценят и понимают шутку скрипач, смотрящий с самым серьезным видом в ноты, тенор, самозабвенно берущий верхнее «ми», композитор, коротающий время наедине с неодушевленным фортепьяно...

КРОКОДИЛ

№ 8 (1946)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: В. Вальков, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, В. Каневский, С. Кузьмин, А. Семенов, В. Соловьев, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 27/II 1970 г. А 00021. Подписано к печати 9/III 1970 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 770 000 экз. 1 завод: 1 — 4 683 000. Изд. № 252. Заказ № 668.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Вопреки утверждениям британской пропаганды об отводе войск с территорий «к востоку от Суэца» английские вооруженные силы остаются на тех же базах.

УХОДЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ

Рисунок Ю. ГАНФА